

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ «ПОЭЗИЯ МЫСЛИ» В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИЛОГА ТРАДИЦИЙ

Михалина Шибаева

Основная тема статьи – место «поэзии мысли» в пространственно-временном континууме философского полилога о вопросах метафизического характера. Традиционный поиск ответов на «вечные» вопросы в ракурсе дихотомии сакрального и профанного связывает между собой различные эпохи и обуславливает проблемно-тематическое пространство полилога традиций. Интеллектуальная энергетика и полифония такого полилога неотделимы от аксиологических, гносеологических и экзистенциально-этических проблем в пространственно-временном континууме «круглых путей истории» и «диалектики приобретений и утрат» (Гегель). Открытый характер вопросов, связанных с миром человеческой субъективности, обнаруживается не только в логико-рациональной, но и в образно-поэтической формах. С этой точки зрения заслуживает внимания феномен «поэзии мысли», который плодотворно соединяет оба типа философской рефлексии. Потенциал «поэзии мысли» обусловлен философской глубиной лирического способа презентации «эроса духа», с одной стороны, и энергетикой душевных переживаний субъекта мировоззренческих исканий, с другой. Подчеркивается своеобразие отечественной «поэзии мысли», несущей на себе влияние таких концептов, как «верующий разум», «философия сердца» и «сокровенное знание». Установка на синтез веры и знания определила плодотворный характер поэтизации духовно-нравственных исканий. Особый акцент ставится на темпоральном и космогоническом типах «гнозиса переживаний» русских мыслителей, выявляющих смысловую емкость, тональность и экспрессивность личностного «миллиона терзаний», воплощенного в текстах посредством «поэзии мысли».

Ключевые слова: «поэзия мысли», полилог традиций, философская и художественная рефлексия, «гнозис переживаний».

Московский государственный
институт культуры

The article considers “poetry of thought” in the space-time continuum of a philosophical polylogue dealt with the questions of metaphysical character. The search for answers to the “eternal” questions through the prism of the dichotomy of the sacred and profane belongs to those traditions of thought that connect various cultural chronotypes and determine the problem-thematic space of the philosophical polylogue. The intellectual energy and polyphony of this polylogue are inseparable from axiological, gnoseological and existential-ethical problems considered in the space-time continuum of the “circular paths of history” and the “dialectic of gain and loss” (Hegel). The open-ended character of questions concerning the world of human subjectivity reveals itself not only in logical-rational, but also in figurative-poetic forms. It is the latter form, or the phenomenon of “poetry of thought”, which fruitfully combines both types of philosophical reflection, that is examined in the article. The potential of “poetry of thought” is determined by the philosophical depth of the lyrical way of presenting the “eros of spirit”, on the one hand, and by the energy of the mental experience of the subject of worldview searches, on the other. Special attention is paid to the peculiarity of Russian “poetry of thought”, which bears the influence of such concepts as “believing reason”, “philosophy of heart”, and “innermost knowledge”. The belief that faith and knowledge can come into harmony determined the nature of the poetization of spiritual and moral research. Particular emphasis is placed on the temporal and cosmogonic types of “gnosis of experiences” of Russian thinkers. A number of examples reveal the semantic capacity, tonality and expressiveness of the personal “million of torments” embodied in the texts through the “poetry of thought”.

Keywords: “poetry of thought”, polylogue of traditions, philosophical and artistic reflection, gnosis of experiences.

Содержательная насыщенность философского полилога между прошлым и настоящим сопрягается в немалой степени с разнообразием форм выражения личностного отношения к Истине. Установка на достижение Истины как фундаментальной ценности культуры неотделима от традиции поиска ответов на вопросы мировоззренческой и экзистенциальной значимости. Именно поэтому, начиная с Античности, индивидуально-личностная потребность в ответах на метафизические вопросы актуализировалась различными способами выражения субъективной позиции мыслителя, включенного в проблемно-тематическое пространство полилога.

Неизбывность и, стало быть, актуальность «вечных» вопросов – одна из причин, обуславливающая длительный опыт философской и художественной рефлексии. Присущая едва ли ни каждому хронотопу культуры традиция вопрошания о сущности и смысле Бытия, о соотношении сакрального и профанного в мире, трансцендентного и имманентного, о назначении человека как «мыслящего тростника» актуализируется в энергетике полилога вокруг вопросов метафизического характера. Одним из факторов продуктивности такого полилога является традиция сосуществования рационального и эмоционального способов вербализации «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» (А.С. Пушкин).

Смысловая емкость и полистилистика полилога многовековых традиций постижения Истины питаются следующей закономерностью, сформулированной В.С. Соловьевым: «Внутренняя связь субъекта со всем существующим выражается в том существенном акте, который мы в своем сознании находим как тройственный акт веры, воображения и творчества» [16, с. 736]. Данное суждение философа, которому не был чужд, как известно, и поэтический способ самовыражения, отражает, по сути, традицию сопряженности религиозно-мистической, интеллектуальной и художественно-образной сфер культуры как области смыслов и значений и опыта переживаний.

Одной из целей осуществления «тройственного акта» является поиск Истины. История мировой культуры, включая и отечественную, дает немало оснований для вывода о том, что углублению интеллектуально-творческого полилога, направленного на обретение истины, способствовала *традиция поэтизации* духовных исканий. Интеллектуально-творческая причастность к данной традиции проявляется в ряде текстов и философов и поэтов, что далеко неслучайно. Как писал Г. Зиммель в своей работе о феномене и творчестве Гете, «каждое произведение искусства... каждое подлинно философское понятие есть определенный способ вместить бесконечность мира и жизни в единую форму, так или иначе разрешенное противоречие между вечной текучестью и неисчерпаемостью бытия, с одной стороны, и его устойчивостью, наглядностью, конечностью – с другой» [13, с. 395]. Отсюда и устойчивый характер философско-поэтических форм рефлексии над быстротечной «рекой времен» (Г.Р. Державин), над драмой несоразмерности Макрокосма Вселенной и микрокосма человека. Традиция включения в пространство мировоззренческих исканий космогонических мотивов наглядно проявляет себя

как в многовековом опыте философского полилога, так и в сфере поэтического творчества. Уместно в этой связи привести строки из стихотворения Фазиля Искандера «Философ»:

Он занят загадкой грозной,
Она не смущает его:
Зачем мирозданию звезды
И сам человек для чего?

Индивидуальный опыт познания мира и определения ценностной позиции личности сопрягается с гаммой ее переживаний – гностических и эстетических, космогонических и темпоральных, нравственных и экзистенциальных. Нередко эмоциональная окрашенность ряда философских текстов возникает, особо воздействуя на читателя, благодаря такой экспрессивно-интеллектуальной традиции, как «*поэзия мысли*». Правомерность обращения к феномену поэзии мысли как к специфическому фактору обогащения пространства полилога традиций связана с тем, что «единство истины и философского разума допускает вариативность путей к истине» [5, с. 7].

Стоит подчеркнуть, что «поэзия мысли» не сводима к сугубо стихотворной форме отражения мировоззренческих исканий. С данным явлением связано то состояние душевного подъема личности, тот нерв ее «переживающего сознания», которые можно соотнести с такими категориями классической эстетики, как «прекрасное», «возвышенное», а порой и «трагическое». Опыт актуализации данных категорий в рефлексии над вопросами метафизического характера свидетельствует о том, что «поэзия мысли» придает особую тональность «знаковым» текстам мировой культуры, включая и отечественную.

Заметное место отечественной «поэзии мысли» в философском полилоге обусловлено самобытностью феномена русской культуры в целом. Как писал Б.П. Вышеславцев, «существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения» [11, с. 154]. В ряду особенностей русского опыта мировоззренческих исканий заметное место занимает «философское беспокойство» (Г.П. Флоровский), которое проявляется в традиции поэтизации субъективных переживаний по поводу «вечных вопросов». Вероятно, поэтому мало кто из русских мыслителей обошел вниманием ценностно-смысловой аспект данной традиции¹. Причем, если в XIX столетии стихотворная форма рефлексирования была в основном, предметом литературной критики, то в последующие периоды развития отечественной культуры ряд поэтических творений был включен в проблемное пространство философской мысли.

Думается, что обостренный интерес русских философов к феномену «поэзии мысли» в немалой степени обусловлен неотделимостью религиозных, темпоральных и космогонических граней авторского «гнозиса переживаний» от «миллиона терзаний» экзистенциально-этического харак-

¹ С этой точки зрения стоит отметить исследовательскую глубину издания «Поэзия как жанр русской философии. Антология» [7].

тера. Причем ценность сопряженности познавательных интенций и эмоциональной тональности в феномене «поэзии мысли» признавалась не только философами, но и самими субъектами стихотворчества. К примеру, В. Ходасевич в своей статье о Надсоне писал о двух течениях в поэзии и их «причудливом переплетении», имея в виду «стремление разгадать мир, оправдать его именем божества... и стремление к устройству жизни человеческой на земле» [20, с. 382]. Отсюда и его разделение поэтических текстов на «песни о бытии» и «песни о быте».

С определенными допущениями правомерно соотнести каждый из двух типов «песен» с традицией конкретизации образов Музы, вдохновляющей личность. Так, ревнителей идеи прихода поэта в мир «для вдохновения, для звуков сладких и молитв» (А.С. Пушкин) побуждает к творчеству Муза «чистого искусства», тогда как под влиянием Музы «гнева и печали» (Н.А. Некрасов) создаются «песни быта». Но и тот и другой тип авторской «верности» Музе проявляет собой энергетику «поэзии мысли», отражающей субъективный опыт «познания-переживания». Примечательно в этом плане следующее высказывание психолога В.П. Зинченко: «Поэты, вырывая события из контекста, подчиняются Музе, ученые – Логике... Уверен, что науке не меньше нужна идеальная правда духа, за которой она не так часто обращается к мифологии, к искусству, в том числе и поэзии» [14, с. 8]. Заметим в этой связи, что далеко не все поэты «чуждаются» логики познания и объяснения картины мира и ценностно-смысловых оснований жизни: «Цицерон» Ф. Тютчева, «Джордано Бруно» И. Бунина, венки сонетов В. Брюсова «Светоч мысли» – тому наглядное свидетельство.

Своеобразие русского опыта мировоззренческих исканий находит свое проявление в различных аспектах, в том числе в тяготении к синтезу веры и знания, а также в признании ценности процессов и форм сопряжения умозрительной и художественной рефлексии. Важно иметь в виду, что многие русские мыслители подходили к поискам Истины в противовес «просветительской апологии разума, отвергающей возможность интуитивных озарений и равноценности веры и знания» [8, с. 117].

Первыми свою приверженность идее синтеза поэзии и философии выразили основатели знаменитого «Общества Любомудров» Д.В. Веницинов и В.Ф. Одоевский. Обосновывая свою веру в познавательную ценность синтеза обеих форм самосознания, они использовали понятие «всеведение». С данным понятием через несколько лет соотнесли свои философские взгляды славянофилы, прежде всего И.В. Киреевский и А.С. Хомяков, размышляя об особенностях русской культуры и ее месте в мировом пространстве, они ввели концепты «сокровенное знание» и «живая истина».

Начиная с XVIII в., традиции продуктивного сосуществования философского и образного типов постижения «вечных вопросов» согласуется с установкой отечественных мыслителей и литераторов (от поэтов до критиков) на идеал «цельного знания» в его гармонии с «философией сердца». И пафосное отношение Б. Паскаля в его «Мыслях» к «помощи сердца» в постижении истины, и экспрессивно-логические доводы Г.С. Сквороды в пользу его «философии сердца» явно пришлись по душе многим

деятелям русской культуры. И не только тем мыслителям и поэтам, которые были настроены на романтическое мировосприятие, но и некоторым прагматикам. Примечательна, к примеру, идея равноценности «поэзии сердца» и «поэзии мысли» (Н.Г. Чернышевский)¹, которая подтверждает значение сопряжения эмоционального и рационального в философском полилоге в целом.

В контексте русской культуры смысловая емкость «поэзии мысли», ее тональность пронизаны сердечной «маятой» не только в связи со сложностью обретения истины, но и с жаждой совершенства, идеального. Неслучайно и то, что в последней книге А.Ф. Лосева «Страсть к диалектике: литературные размышления философа» перед современным читателем возникают следующие поэтические строки:

Ум – не рассудок, не скелет
Сознания духа и природы.
Ум – средоточие свободы,
Сердечных таинств ясный свет.

Это четверостишие мыслителя, философско-творческое наследие которого получило мировое признание, является одним из ярких подтверждений жизнеспособности *традиции поэтизации философской рефлексии*. Интерес к данной традиции проявился и в «Лекциях по эстетике» Гегеля. Исходя из того, что «объект, соответствующий поэзии, есть бесконечное царство духа» [12, с. 355], мыслитель утверждал, что «субъективная задушевность» поэтической формы «есть первоначальное представление истинного, знание еще не отрывающее всеобщего от его живого в единичном» [12, с. 356]. В размышлениях Гегеля о поэзии она предстает не только в статусе стихотворной формы, но и как особое состояние духа – «субъективное вдохновение» [12, с. 522]. Причем подобный тип эмоционального настроения характерен и для тех философов, которым присуща «сосредоточенность сердца в многогранности чувств и всеобъемлемости рассуждений» [12, с. 504].

Впрочем, еще за несколько десятилетий до Гегеля связь между душевным состоянием субъекта философской рефлексии и особым стилем его выражения была отмечена И. Кантом. Согласно «кенигсбергскому отшельнику», созерцание звездного неба, либо погружение в «безмолвие природы» рождает у субъекта особое душевное состояние, при котором начинает говорить «тогда скрытая познавательная способность бессмертного духа, на неизъяснимом языке» [15, с. 261].

Ценность рефлексирования на «неизъяснимом языке» утверждали также в своих философских трактатах и поэтических текстах и йенские романтики, идеи которых оказались созвучными ряду русских мыслителей. В частности, и идея Шеллинга относительно интонационных следов «поэзии в философии», приобщающей к Истине, и тезис Новалиса о том, что «поэзия – героиня философии... философия есть теория поэзии»,

¹ Более подробно этот момент, связанный с вопросом о самобытности русского опыта гностических переживаний, раскрыт в моей монографии «Культура в “зеркале” русской мысли» [8].

пришлись по душе любомудрам и славянофилам, а позднее и символистам Серебряного века. Так, А. Блок выдвинул проект включения отечественной философии в многотомное издание произведений русских литераторов. Его тезис о том, что «первое дело, которое требует от поэта его служение, – бросить “заботы суетного света” для того, чтобы поднять внешние покровы, чтобы открыть глубину» [10, с. 350], приложим, бесспорно, и к сфере философской рефлексии. «Поэзия мысли», вписанная в контекст культуры в целом и в пространство полилога традиций, в частности, сопрягается с тем «мильоном терзаний», отмеченных русской литературой, влияние которого на отечественную философию более чем очевидно. Убедительное подтверждение этому – традиция поэтизации процессов постижения открытых проблем Бытия и мира человеческой субъективности. Понимаемая не столько в жанрово-видовом, сколько в духовно-поисковом смысле, «поэзия делает для человека мир эмоционально окрашенным, а знание о нем – переживаемым и потому своим, т.е. доступным и принимаемым (или отвергаемым) [7, с. 10].

Отсюда и та печать поэтического мироощущения на философских текстах русских мыслителей, которая отмечалась не раз в литературной критике. Пример тому – тезис В.Г. Белинского о том, что «поэзия есть та же философия, то же мышление... потому что имеет то же содержание – абсолютную истину, но только не в форме диалектического развития идеи из самой себя, а в форме непосредственного явления идеи в образе» [9, с. 133]. Идея эвристической равноценности философского и поэтического способов обогащения сферы «сокровенного знания» была спроецирована Н.Н. Страховым на тему субъекта познания. По его утверждению, «поэты и философы... придают жизни и миру “характер торжественного благообразия”, они умеют сами видеть и уяснять другим лицезвующую сторону предметов и событий» [18, с. 223].

В определенной степени плодотворность сопряжения интеллектуального и эмоционального начал в многовековом движении к Истине как ценности особого рода, обуславливается эмоциональными моментами субъективной реакции на окружающий мир в его природно-культурном разнообразии. Ведь далеко неслучайно, что в богатом фонде мировой философской мысли немало текстов, в которых субъективный «гнозис переживаний» предстает как симбиоз удивления, волнения и, говоря словами М.К. Мамардашвили, «душевного потрясения» по поводу объекта созерцания. По сути, симбиоз этих эмоций являет собой один из источников «поэзии мысли», выражающей самые разные оттенки связи «мира человека» с сакральными ценностями и ценностями жизни, аксиосфера которой по-особому переживается субъектом философской и художественной рефлексии над неотвратимостью завершения земного срока.

Интерес к энергетике эмоционального восприятия субъекта рефлексивной или творческой деятельности проявляется и в трудах ряда русских мыслителей XX в. К примеру, в исследовании П.А. Флоренского «У водоразделов мысли» особое внимание уделяется эмоциональному фактору ценностно-смысловой связи между содержательной глубиной рефлексии и эвристическим аспектом ее поэтизации. Убежденность в том, что «философия есть неуываемый цвет удивленности, – сама организо-

ванная удивленность» [19, с. 133], сочетается у Флоренского с признанием ценности волнения как еще одного побудителя духовно-нравственных исканий. «Мысль волнуется и приникает, волнуясь, к тайне жизни, – писал он. – ...И мысли вопрошающей ответствует, устами самой мысли, ласкаемая тайна. Но слышимый ответ жарче волнует мысль... И снова мысль вопрошает» [19, с. 144]. Своеобразие отношения Флоренского к эмоциональным факторам мировоззренческих исканий проявляется и в тезисе о том, что «всякая великая мысль» порождается «трепетом изумления» [19, с. 134]. Синтезируя в себе оттенки удивления и волнения, «трепет изумления» обнаруживает свою близость творческому вдохновению, которое испытывает как философ, так и поэт.

Отсюда, вероятно, и особое внимание философа-богослова к *поэтическому языку* выражения «сокровенной мысли». Правда, в его рефлексии над традицией поэтизации мировоззренческих исканий проявляется в стихотворной форме и ироническая интонация:

Весь мир описан и воспет
И, кажется, веками нет
Угла в подсолнечной, где стих
Не наследил бы стоп своих.

Тем не менее, трудно отрицать, что в пространстве полилога традиций не иссякает, говоря словами Флоренского, «тематический исток», который питает поэзию мысли. Значимость этого факта русской культуры более чем очевидна: начиная с середины XVIII в., «поэзия мысли» актуализируется как плодотворная традиция, способствующая сопряженности логического и образного способов рефлексии над «вечными» вопросами в целях постижения Истины. В пространственно-временном континууме философского полилога сохраняют свою высокую ценность *оды* М. Ломоносова и Г. Державина, *думы* А. Кольцова и К. Рыльева, *духовные стихи* В. Соловьева, Л. Карсавина, П. Флоренского и других мыслителей России. В той или иной степени, они расширяли и углубляли опыт рефлексии над метафизическими вопросами. Л.А. Калинин справедливо утверждает в своем исследовании о месте И. Канта в пространственно-временном континууме русской поэзии: «Мысль поэта, как и мысль философа, обязана пребывать над сущим, давать ему оценку *sub specie aeternitatis*. А значит, поэт и философ нуждаются в вечных ценностях» [3, с. 363].

Аксиологическая компонента «поэзии мысли» нередко сосуществует с творческим воображением субъекта духовно-нравственных исканий, занимающих видное место в полилоге культурных традиций. Особенно интенсивно сопряженность ценностного сознания и «продуктивного воображения» (Кант) проявляется в текстах приверженцев романтической концепции философского и поэтического творчества. Согласно умозаключению М.С. Кагана, «культура Романтизма радикально изменила отношение к фантазии, как способности созидания, превосходящей вульгарно-прозаическую, пошлую, низменную реальность поэтической “художественной реальности”, – способности, позволявшей считать не науку, а искусство и искусствоводную философию высшими формами активности человеческого духа, сопоставимыми с творческой мощью Бога» [2, с. 282].

С этой точки зрения невозможно обойти молчанием философскую лирику, которая с «легкой руки» Е. Баратынского и А. Пушкина органично и ярко вписалась в ценностно-смысловое пространство русской культуры. В «знаковых» творениях этого жанра воспроизводятся и особенности субъективного погружения в сферу «вечных» вопросов, и интонационный строй передачи гностических, религиозных и эстетических переживаний поэта, который, по словам Ю.М. Лотмана, «выступает в роли носителя высшей истины» [4, с. 128].

В этой связи уместно обратиться к умозаключению В.С. Соловьева о трех типологических группах русских поэтов, которые были определены им в статье о поэзии А.К. Толстого с точки зрения «отношения мысли к стихотворческой деятельности» [17, с. 483]. Согласно философу, стихи которого предвосхитили, как известно, феномен русского символизма, первая группа поэтов «достаточно обозначается одним именем – Пушкина. Здесь отношение мысли к творчеству – непосредственное, органическое... нет никакого раздвоения в поэтической деятельности» [17, с. 484]. Вторая группа русских стихотворцев, во главу которой он поставил Е.А. Баратынского и М.Ю. Лермонтова, характеризуется тем, что «рефлексия проникает в самое творчество и как постоянный, пребывающий и преодолевающий элемент в сознании поэта разрывает цельность его воззрения... Критическое, отрицательное отношение к собственной жизни и к окружающей среде... обманчиво возводится здесь на степень безусловного принципа и становится господствующим настроением в поэзии» [17, с. 487]. Специфика творчества данной группы определяется философом как «разочарованная поэзия». В то же время Соловьев подчеркивал, что «субъективная неудовлетворенность имеет огромное значение как первый толчок к работе сознания и мышления» [17, с. 488]. Однако поэтизация скепсиса и пессимизма – лишь одна из граней русского опыта рефлексии над противоречиями жизни и экзистенциальными проблемами, в диалог с которой вступили, говоря словами Соловьева, «поэты положительной мысли». В ряду представителей «*поэзии гармонической мысли*» первые места он отводил Ф.И. Тютчеву и А.К. Толстому.

Признавая огромную ценность стихотворного опыта передачи глубоких переживаний и тончайших нюансов мироощущения, Соловьев как бы подводил итог двум столетиям развития русской поэзии в соотношении ряда стихотворных текстов с традицией философских исканий Истины. Именно под этим углом зрения была дана Соловьевым высокая оценка вклада А.К. Толстого в русский опыт духовных исканий: «Как мыслитель, он дал в поэтической форме замечательно ясные и стройные выражения старому, но вечно истинному платонически-христианскому миросозерцанию» [17, с. 489].

Насколько правомерна такая оценка, можно судить по строкам самого А.К. Толстого:

В битве смерти и рожденья
Основало божество
Нескончаемость творенья,
Мирозданья продолженье,
Вечной жизни торжество.

Таким образом, глубокая, а нередко и страстная погруженность в гносеологическую, аксиологическую и этическую сферы традиции «метафизического вопрошания» ярко обнаруживает себя в ряде текстов отечественных философов и литераторов. С учетом того, что и философия, и литература являют собой специфические формы самосознания культуры, важно иметь в виду влияние субъективной мотивации и мировоззренческой позиции автора текста. Содержательно-стилистические особенности каждого из текстов, пронизанных поэзией мысли, подтверждают глубокое умозаключение С.С. Аверинцева о том, что «все определяется, собственно, углом подхода к теме, мотиву, к собственному настроению и умонастроению» [1, с. 274].

Опыт включения традиции поэтизации мировоззренческих исканий и обретений в пространственно-временной континуум философского полилога являет собой культурную ценность особого рода. Ценность эта заключается в том, что, по справедливому утверждению Е.Б. Рашковского, «поэтический опыт – не только “отражение” мира, но и воссоздание мира через внутренние творческие силы человека» [6, с. 27]. Аксиосфера философского полилога, разнообразие его смысловых нюансов и интонационных проявлений «эроса духа» (Платон) выявляют *гуманистическую* значимость традиции поиска ответов на «вечные» вопросы. Плодотворный и, можно сказать, напряженный опыт мировоззренческих исканий свидетельствует о том, что на протяжении многих веков «различными путями мысль приходит все к одному и тому же признанию: идеального сродства мира и человека, их взаимообусловленности, их пронизанности друг другом, их существенной связанности между собой» [19, с. 223].

Понимание природы и сущности такого сродства мало кому дается само по себе, без духовно-душевных усилий. Отсюда непрерывность философской полемики и множество поэтических форм отражения «гнозиса переживаний», являющие собой в определенном смысле «маркеры» отечественной культуры. Как справедливо заметил В.Ф. Эрн, «русские мыслители, очень часто разделенные большими промежутками времени и незнанием друг друга, *перекликаются* между собой и, не сговариваясь, в поразительном согласии *подхватывают один другого*» [21, с. 98].

Литература

И с с л е д о в а н и я

1. *Аверинцев С.С.* Гете и Пушкин // Аверинцев С.С. Связь времен. М.: Дух і літера, 2005. С. 268–284.
2. *Каган М.С.* Избранные труды. В 7 т. Т. 6: Из истории мировой культуры и философско-эстетической мысли. СПб.: Петрополис, 2013.
3. *Калинников Л.А.* Иммануил Кант в русской поэзии (философско-эстетические этюды). М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2008.
4. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. В 3 т. Т. 3: Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. Таллинн: Александра, 1993.

5. Малинов А.В. Философия полилога // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2017. № 1. С. 7–11.
6. Рашковский Е.Б. Философия поэзии, поэзия философии. СПб.: Алетейя, 2016.
7. Сиземская И.Н. Русская философия и лирическая поэзия: «согласие ума и сердца» // Поэзия как жанр русской философии. Антология. М.: ИФ РАН, 2007. С. 5–28.
8. Шибаета М.М. Культура в «зеркале» русской мысли. М.: МГУКИ, 2001.

Источники

9. Белинский В.Г. Горе от ума // Белинский В.Г. Избранные эстетические работы. В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 120–195.
10. Блок А.А. О назначении поэта // Блок А.А. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1955. С. 347–355.
11. Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии» // Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994. С. 153–324.
12. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 3: Поэзия. М.: Искусство, 1969.
13. Зиммель Г. Гете // Зиммель Г. Избранные работы. Киев: Ника-Центр, 2006. С. 194–417.
14. Зинченко В.П. Возможна ли поэтическая антропология? М.: Российский открытый университет, 1994.
15. Кант И. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. М.: Мысль, 1963.
16. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 581–756.
17. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991.
18. Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе // Страхов Н.Н. Борьба с Западом. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 192–317.
19. Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1990.
20. Ходасевич В.Ф. Надсон // Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика (1906–1922). М.: Согласие, 1996. С. 382–397.
21. Эрн В.Ф. Борьба за Логос // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 10–294.

Shibaeva, Mikhailina M. Russian “poetry of thought” in the space of the polylogue of traditions

References

1. Averintsev, S.S. (2005), Gyote i Pushkin [Goethe and Pushkin], in: Averintsev, S.S. *Svyaz vremyon* [Link of times], Dukh i litera, Moscow, pp. 268–284.
2. Kagan, M.S. (2013), *Izbrannyye trudy. V 7 t. T. 6: Iz istorii mirovoy kultury i filosofsko-esteticheskoy mysli* [Selected works. In 7 vols. Vol. 6: From the history of world culture and philosophical and aesthetic thought], Petropolis, St. Petersburg.
3. Kalinnikov, L.A. (2008), *Immanuel Kant v russkoy poezii (filosofsko-esteticheskiye etyudy)* [Immanuel Kant in Russian poetry (philosophical and aesthetic studies)], Kanon+, ROOI “Reabilitatsiya”, Moscow.

4. Lotman, Yu. M. (1993), *Izbrannye stat'i. V 3 t. T. 3: Stat'i po istorii russkoy literatury. Teoriya i semiotika drugikh iskusstv. Mekhanizmy kul'tury. Melkie zametki* [Selected articles. In 3 vols. Vol. 3: Articles on the history of Russian literature. Theory and semiotics of other arts. Mechanisms of culture. Small notes], Aleksandra, Tallinn.
5. Malinov, A.V. (2017), *Filosofiya poliloga* [The philosophy of polylogue], in: *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii* [Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy], no. 1, pp. 7–11.
6. Rashkovskiy, Ye.B. (2016), *Filosofiya poezii, poeziya filosofii* [Philosophy of poetry, poetry of philosophy], Aleteia, St. Petersburg.
7. Sizemskaya, I.N. (2007), *Russkaya filosofiya i liricheskaya poeziya: "soglasiye uma i serdtsa"* [Russian philosophy and lyric poetry: "the harmony of mind and heart"], in: *Poeziya kak zhanr russkoy filosofii. Antologiya* [Poetry as a genre of Russian philosophy. Anthology], IF RAS, Moscow, pp. 5–28.
8. Shibaeva, M.M. (2001), *Kul'tura v "zerkale" russkoy mysli* [Culture in the "mirror" of Russian thought], Moscow State Institute of Culture, Moscow.